

Ссылка для цитирования этой статьи:

Хапчаев С.Т., Кокорев В.Г. Судейское усмотрение в исламском уголовном праве: опыт применения наказаний «тазир» в мусульманских странах // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 9. С. 38. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_9/Khapchaev.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-9a-40.

УДК 340.5:28-67

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ В ИСЛАМСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ «ТАЗИР» В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ

Хапчаев Султан Таласович
кандидат юридических наук,
начальник кафедры конституционного и гражданского права,
Ставропольский филиал,
Краснодарский университет МВД России,
г. Ставрополь, Российская Федерация

Кокорев Владимир Геннадьевич
преподаватель кафедры правовых дисциплин СПО,
Институт права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ категории «тазир», которая представляет собой систему дискреционных наказаний в мусульманском праве за правонарушения, не имеющие фиксированных шариатских санкций. Исследуются доктринальные основы этого института, а также специфика его реализации в современных правовых системах таких государств, как Саудовская Аравия, Иран и Индонезия. Рассматривается процесс эволюции тазира, характеризующийся переходом от широкого судейского усмотрения к тенденциям кодификации и стандартизации норм. Значительное место в работе занимает изучение совместимости традиционных мер воздействия с международными стандартами прав человека. На основе сравнительно-правового метода обосновывается необходимость реформирования уголовной политики, что предполагает гуманизацию санкций, введение альтернативных наказаний и строгую процессуальную регламентацию. Автор приходит к заключению о важности адаптации института тазир к

современным условиям с опорой на цели шариата (макасид аш-шариа), что позволит гармонизировать гибкость правосудия с защитой прав личности.

Ключевые слова: мусульманское право, тазир, исламское уголовное право, судебское усмотрение, макасид аш-шариа, права человека, кодификация.

Введение

В мусульманском праве категория тазир обозначает систему наказаний за правонарушения, не подпадающие под строго установленные шариатом санкции (хадд или кисас) и потому оставленные на усмотрение властей или судьи. Институт тазир исторически играл роль «гибкого» компонента исламского уголовного права, дополняя фиксированные наказания – хадд (за тяжкие посягательства на божественные предписания) и кисас (за преступления против личности) – мерами, которые правитель или кадий назначает по своему усмотрению в каждом конкретном случае. Если классические хадд-преступления четко определены Кораном и сунной и наказания за них неизменны, то область тазир охватывает все иные проступки, степень тяжести которых может различаться (от мошенничества и взяточничества до хулиганства или морально-этических проступков). Соответственно, перед судьей ставится задача подобрать справедливое взыскание, исходя из обстоятельств дела, личности правонарушителя и принципов пользы для общества.

Актуальность исследования обусловлена возрождением интереса к применению исламского уголовного права в современном мире и связанными с этим практическими проблемами. Сегодня элементы шариатской уголовной юстиции внедряются или обсуждаются в правовых системах разных стран, от традиционно мусульманских государств Ближнего Востока до некоторых регионов Юго-Восточной Азии. Наказания тазир при этом становятся предметом дискуссий, поскольку их реализация затрагивает вопросы справедливости, прав человека и адаптации классических норм к реалиям XXI века. С одной стороны, механизм тазир рассматривается учеными как проявление гибкости и гуманизма шариата, позволяющий учесть обстоятельства правонарушения и исправить преступника без применения чрезмерной жестокости. С другой стороны, отсутствие четких пределов судебского усмотрения может приводить к произвольности наказаний, а некоторые традиционные меры (например, телесные наказания) вызывают критику с позиций международных стандартов прав человека. В этой связи назрела необходимость комплексного анализа современных практик тазир, выявления наиболее острых проблем и поиска путей их разрешения с опорой на цели исламского права (макасид аш-шариа) и лучший мировой опыт. Настоящая статья ставит целью, опираясь на труды классических факихов и современных

исследователей, а также на пример ряда мусульманских стран, показать эволюцию института тазир, проанализировать актуальные вызовы в его реализации и предложить научно обоснованные рекомендации по реформированию данного сегмента уголовной политики.

Теоретические основы и цели наказаний тазир

В буквальном смысле арабское слово «тазир» означает «держат в уважении, поддерживать, препятствовать (злу), наказывать с целью исправления». В Коране производный глагол употребляется в значении «почитать, помогать» (например, Коран 48:9 – «...дабы вы чтити Его (Пророка) и поддерживали...»), однако в последующей юридической литературе термин приобрел узкоспециальный смысл наказания за провинности, не подпадающие под конкретные коранические санкции.

Ханафитский ученый Абу Бакр аль-Касани определял тазир как преступление, для которого в шариате не установлено определенного наказания. По его мнению, это преступление либо против права Бога (например, оставление молитвы и поста), либо против права индивида (например, причинение вреда мусульманину словом или делом) [1, с. 63]. Маликитский ученый Мухаммад аль-Хураши давал следующее определение: «... наказание [за деяние], для которого не установлено [определенное возмездие]. Оно различается в зависимости от людей, а также их слов и поступков» [2, с. 110]. В свою очередь, Имам ан-Навави (шафиит) понимал под тазиром «[наказание, назначаемое] за проступки, для которых нет ни хадда, ни каффары (искупления)» [3, с. 191]. Ханбалитский ученый Ибн Кудама считал, что тазир – это «узаконенное наказание за преступление, для которого не предусмотрен хадд» [4, с. 523]. Таким образом, факихи основных суннитских течений определяют тазир как дискреционное наказание, налагаемое за любые деяния, запрещенные шариатом, которые не достигают порога хадд или не подпадают под правило кисас (наказание по принципу талиона) или каффары (искупительного наказания). Следовательно, тазир охватывает широчайший спектр правонарушений – от посягательств на общественный порядок и мораль (например, распространение порнографии, распитие алкоголя, непристойное поведение) до имущественных и должностных проступков, которые не были прямо регламентированы в Коране и сунне.

Главным принципом системы тазир является придание судье или правителю определенной свободы усмотрения для достижения справедливости и защиты общественных интересов. Такое наказание рассматривается в фикхе прежде всего, как право общества, а не только потерпевшего, поскольку его цель – охрана общих устоев и предупреждение новых правонарушений. В отличие от строго регламентированных богословских наказаний (хадд), имеющих преимущественно карательно-возмездный характер, дискреционные меры тазир

более гибкие и многоцелевые. В них заложен одновременно карательный, превентивный, устрашающий и исправительно-воспитательный потенциал. С точки зрения философии ислама любое наказание служит охране пяти основополагающих ценностей – религии, жизни, разума, чести и имущества (так называемые, макасид аш-шариа) [5, с. 217]. Если наказания хадд акцентируют внимание именно на возмездии за посягательство на эти ценности (принцип талиона или строго определенной кары), то тазир позволяет варьировать меру воздействия так, чтобы достичь более широкой социальной пользы: исправить оступившегося, предостеречь других, возместить ущерб пострадавшему и примирить стороны.

Исследователи подчеркивают, что тазир олицетворяет динамичную и «человечную» природу шариата. В дискреционных наказаниях проявляется стремление не только наказать, но и перевоспитать преступника. Особенно явно исправительная функция реализуется в наказаниях тазир, где кадий вправе подобрать меру с учетом личности виновного, например, назначить ему наказание в виде воспитательных мер, обязательных работ, психологической коррекции и т.п., вместо сугубо телесных или имущественных взысканий. Напротив, в области хадд судья не имеет права смягчать или заменять санкцию, поскольку она напрямую установлена в Коране и достоверных хадисах и считается правом Всевышнего. Например, прелюбодеяние карается поркой ста плетьюми или побитием камнями (в зависимости от статуса), и суд не может учитывать раскаяние или иные смягчающие обстоятельства. Но наказания тазир изначально строятся на усмотрении, что позволяет, с одной стороны, выразить публичное осуждение противоправного деяния, а с другой – проявить милосердие там, где это уместно, или выбрать меру, наиболее полезную для исправления человека. Таким образом, тазир – это инструмент, через который исламское право демонстрирует способность сочетать справедливость и милость, наказывая не из мести, а ради дисциплины и блага общества.

Виды наказаний тазир и их пределы

Поскольку понятие тазир охватывает любые запрещенные деяния, не имеющие фиксированного наказания, арсенал возможных мер чрезвычайно широк. Классики фикха перечисляли среди санкций тазир следующие: замечание и порицание, публичное обличение, выговор, клятвенное обещание исправиться, штрафы и конфискацию имущества, телесные наказания (порка меньшим числом ударов, чем при хадд, и даже смертная казнь в особых случаях), тюремное заключение или изгнание, лишение некоторых прав, а также иные меры, служащие цели наказания (например, смещение с должности, возмещение ущерба потерпевшему, публичное извинение и т.д.). Уже средневековые ученые отмечали, что хотя чаще всего на практике тазир ассоциируется с телесными наказаниями (порка), в

действительности шариат не ограничивает дискреционные меры одними лишь ударами плетью [6, с. 29]. Большинство факихов (включая авторитетные мнения имамов ханбалитского и шафиитского мазхабов) придерживаются мнения, что тазир может включать любые виды наказаний, вплоть до самых строгих, если того требуют обстоятельства. Единственным ограничением является соответствие основополагающим принципам шариата. Например, нельзя в порядке тазир назначить заведомо запретное по шариату деяние (то есть наказание не должно само по себе нарушать религиозные нормы), либо узаконить явно несправедливую или чрезмерную кару, не соразмерную проступку. В остальном же правитель (имам) обладает широкой свободой в издании законов о наказаниях тазир, «в соответствии с требованиями времени и места», как отмечают мусульманские юристы. В частности, если в социуме появилась новая форма преступного поведения, угрожающая благополучию людей, власти имеют право ввести за нее специальное наказание – даже если аналогов не было в эпоху Пророка. Этот принцип обеспечивает актуальность исламского уголовного права на протяжении веков.

В классическом фикхе имелись некоторые разногласия относительно пределов тазир. Одни богословы утверждали, что дискреционное наказание не должно по суровости превышать самое мягкое из хадд-наказаний, то есть порогом верхней меры считается менее 40 ударов плетью [7, с. 117], [3, с. 193]. На это указывали дословно некоторые хадисы с выражением «дун аль-хадд» («ниже предела хадда»). Однако большинство факихов объясняли, что упоминание о порке в источниках связано лишь с ее распространенностью и эффективностью в древности, а сам принцип тазир не ограничен только телесным наказанием. При этом верхняя граница наказания находится на усмотрении судьи и правительства, исходя из тяжести деяния. История мусульманского права знает примеры, когда за тяжкие преступления, не попадавшие под хадд (например, шпионаж, еретические выступления или особо жестокие убийства без права кисаса), назначались максимально строгие кары вплоть до смертной казни в порядке тазир. Вместе с тем принцип милосердия ограничивает неоправданную суровость: даже назначая строгое наказание, судья должен помнить, что цель – исправление и очищение, а не месть. Шариат запрещает бесчеловечное обращение: осужденный, хотя и наказан, остается человеком и не должен подвергаться бессмысленным унижениям. Показателен пример халифа Умара, который однажды, наказав лжесвидетеля, не стал прибегать к побоям, а применил символическую меру – велел обрить ему голову, вымазать лицо сажей и провезти на осле по улице спиной вперед [8, с. 224]. Такой подход продемонстрировал порицание проступка и предостерег других, не причинив при этом телесных увечий виновному. Данный случай иллюстрирует мудрость тазир: наказание

определяется исходя из пользы – защита общества достигается не жестокостью, а неотвратимостью и нравственным воздействием.

Современная практика применения тазир

В современных правовых системах мусульманских стран концепция тазир получила разнообразное воплощение. В ряде государств, например, в Саудовской Аравии, долгое время отсутствовал писанный уголовный кодекс, и судьи самостоятельно решали, какое наказание назначить за преступления, не предусмотренные шариатом напрямую. По сути, почти весь уголовно наказуемый спектр (от дорожных нарушений до экономических преступлений) регулировался через тазир, опираясь на общие принципы фикха. С одной стороны, это позволяло учитывать конкретные обстоятельства, когда судьи в выносимых приговорах учитывали пол, возраст, рецидив и прочие факторы. С другой стороны, такой подход породил проблему непоследовательности, так как наказания за схожие проступки могли сильно различаться в зависимости от усмотрения конкретного кадия, что подрывало единообразие правосудия. Проведенное в 2018 году исследование практики саудовских судов по делам несовершеннолетних выявило значительные расхождения между назначенными мерами и тяжестью преступлений, а также характеристиками обвиняемых. Например, за одинаковые проступки подростки получали разное число ударов плетью или сроки заключения без очевидной причины; более того, наличие смягчающих обстоятельств (таких как юный возраст или первое правонарушение) не всегда отражалось в приговоре [9]. Это приводило к ощущению несправедливости и непредсказуемости системы. Реагируя на критику, саудовские власти предприняли шаги к унификации. В частности, была проведена частичная кодификация наказаний тазир, установлены минимумы и максимумы по ряду статей, особенно в отношении молодежи. Кроме того, стало уделяться больше внимания альтернативным мерам: вместо тюремного заключения несовершеннолетних предлагают направлять на исправительные программы и наставничество, что более соответствует цели реабилитации правонарушителя. Таким образом, Саудовская Аравия начинает переходить от полностью казуистического отношения к наказаниям тазир к более формально регламентированному подходу, сохраняя шариатские основы, но привнося элементы современного стандарта справедливости (пропорциональность и равенство всех перед законом).

Другим примером является Иран, где после Исламской революции 1979 г. уголовное законодательство было кардинально пересмотрено на основе шариата. В Уголовном кодексе Ирана закреплены категории хадд, кисас и диа, однако подавляющее большинство преступлений все же относится к категории тазир (на практике это общий уголовный кодекс). Сразу после революции новые власти, следуя букве шариатских текстов, ввели суровые

наказания (например, значительное число преступлений стало караться поркой). Однако довольно скоро выяснилось, что прямое заимствование средневековых норм сталкивается с проблемами гуманитарного и практического характера. Во-первых, телесные наказания и казни вызвали критику международного сообщества и правозащитных организаций, что создавало политическое давление. Во-вторых, возникли трудности с применением (переполнение тюрем, сложности исполнения большого количества публичных наказаний и т.д.). Наконец, внутри самого иранского общества и среди шиитских богословов началась дискуссия о целесообразности таких мер в современную эпоху. В результате государство постепенно стало проводить политику «маслахат» (целесообразности и общественной пользы) в отношении наказаний тазир.

Примером служит реформа 1996 года, когда Иран принял Книгу пятую Исламского уголовного кодекса, заменив телесные наказания на тюремное заключение и штрафы, особенно по экономическим и преступлениям против государственной безопасности [10]. Согласно Статье 18 Исламского уголовного кодекса Ирана, суды при вынесении приговора по нарушениям категории тазир должны рассматривать мотивы и психическое состояние преступника, способ совершения и последствия преступления, поведение правонарушителя после совершения деяния, а также его личный, семейный и социальный статус [11], что придает наказаниям тазир гибкость, необходимую для реализации принципа маслаха (общественной целесообразности). Затем в 2017 году парламент Ирана одобрил поправку к закону о борьбе с наркотиками, которая ограничила применение смертной казни за ненасильственные наркотические преступления. Согласно поправке, минимальные пороги, при которых применяется смертная казнь, были повышены с 30 граммов до 2 килограммов для синтетических наркотиков (героин, кокаин, амфетамины) и с 5 килограммов до 50 килограммов для традиционных наркотиков (опиум, каннабис). Преступления ниже этих порогов караются длительным заключением (до 30 лет) и штрафом. Поправка применяется ретроспективно, что позволило пересмотреть дела примерно 5 300 осужденных к смерти за наркотические преступления [12]. Кроме того, с 2013 года новый уголовный кодекс предусмотрел альтернативные тазир наказания и меры: отсрочку приговора, систему ограничения свободы, исправительные работы и пробацию. Таким образом, эволюция иранской системы показывает движение от максималистского шариатского подхода к более умеренному, исходящему из реалий. Государство, сохраняя приверженность принципам ислама, адаптирует наказания тазир к современным представлениям об эффективности и гуманности, что свидетельствует о гибкости самой концепции тазир в достижении высших целей правосудия.

На пространстве Юго-Восточной Азии интересный опыт в рассматриваемой области имеется в Индонезии. В целом уголовное право страны светское (наследие голландского кодекса), но в особых областях (например, в автономной провинции Ачех или внутри исламских учебных заведений) применяются элементы шариата. В Ачехе установлены некоторые хадд-наказания (например, публичная порка бамбуковыми розгами за прелюбодеяние, распитие спиртного и др.), однако и они фактически реализуются как тазир. Местное законодательство определяет порядок и условия, несколько отличные от классических, и часто эти наказания воспринимаются как средство общественного воспитания. В исламских же школах дисциплина традиционно поддерживается через систему внутренних наказаний, тоже восходящих к концепции тазир. Ученик, нарушивший порядок или религиозные нормы, может получить телесное наказание (порку ротанговой тростью), выговор при всех, дополнительные молебны, уборку территории и т.п. – все это считается наказанием с целью наставления и по сути относится к тазир. Долгое время такие традиции воспринимались как должное, но недавние трагические инциденты (в частности, гибель учащегося после избиения наставниками в одном из учебных заведений [13, с. 268]) привлекли внимание общественности и правозащитников. Практика «школьного тазир» подверглась критике за нарушение прав детей, несоразмерность наказаний и несоответствие национальным законам об образовании и охране детства. Индонезийские исследователи признают, что наблюдается «столкновение традиции с современными нормами прав человека» в вопросе воспитания. Они призывают к взвешенному диалогу между религиозными наставниками, учеными и правозащитниками с целью выработать такие формы дисциплинарных мер, которые сэберегут ценности исламского воспитания, но не будут унижать достоинство и здоровье учащихся. В качестве решения предлагается пересмотр устаревших жестоких практик, введение регламента для школ, обучение наставников психологическим методам воздействия [14]. Постепенно приходит понимание того, что цель тазира – не причинить страдание, а удержать от зла, и потому любые формы воздействия должны оцениваться через призму эффективности и милосердия.

Наконец, современная практика тазир затрагивает и экономико-правовую сферу. В странах с исламским банкингом возникла проблема: как реагировать на недобросовестное поведение клиентов (например, умышленную просрочку долга) без нарушения шариатских запретов (таких как запрет ростовщичества). Некоторые исламские банки ввели договорные штрафы за просрочку, что трактуется как «тазирный» платеж (пеня), призванный дисциплинировать заемщика. Помимо штрафа, практикуется также «та'вид» – требование компенсации реального ущерба банку от задержки платежа. Оба эти механизма получили

одобрение ряда факихов и даже зафиксированы в стандартах (например, фетва №17 Национального шариатского совета Индонезии). Однако другие ученые критикуют их, указывая, что на практике штрафы зачастую превращаются в скрытую форму рыбы (процентов). Если банк систематически увеличивает плату за каждый день просрочки, это перестает быть разовым наказанием и становится процентной надбавкой. Таким образом, благой принцип тазир – наказать за недобросовестность – искажается, превращаясь в запрещенное ростовщичество. Анализ индонезийских экспертов показал, что действующая схема нуждается в реформировании. Они предлагают «перепозиционировать» тазир и та'вид: вместо начисления процентов на долг, недобросовестным заемщикам давать ограниченное время на погашение в несколько рассроченных выплат, а при дальнейшем уклонении применять другие меры (например, обращение в суд, объявление дефолта). Цель – сохранить дисциплинарную функцию, не нарушая принципов шариата о запрете наживы на чужих долгах [15, с. 45]. Данный пример показывает, как тонко должен использоваться инструмент тазир в современном финансовом обороте. Здесь важно избежать злоупотреблений, когда под прикрытием шариатской меры вводятся по сути неправомерные санкции. Решение видится в тщательной экспертизе шариатскими учеными каждого нового механизма и в строгом контроле со стороны регулирующих органов, чтобы наказания действительно служили справедливости, а не становились способом обойти запреты.

Проблемы применения наказаний тазир

Из приведенных примеров видно, что реализация наказаний тазир сегодня сталкивается с рядом существенных проблем. Выделим наиболее значимые из них:

1. Отсутствие четкой стандартизации и критериев назначения наказаний. Парадокс тазир заключается в том, что его сила состоит в гибкости, но именно она же порождает риск произвола. Когда рамки судейского усмотрения не определены, судьи могут по-разному карать схожие проступки, что подрывает принцип равенства перед законом. Например, исследование по Пакистану (где действует двойственная система – за прелюбодеяние при недоказанности хадда назначается тазир) показало, что суды весьма произвольно определяли сроки тюремного заключения для обвиняемых женщин, иногда исходя из субъективных моральных оценок судьи [16]. Решение данной проблемы видится в кодификации дискреционных наказаний. Ряд современных авторов прямо заявляют о том, что практика, при которой правитель (имам) каждый раз произвольно осуществляет иджтихад для определения тазира, не соответствует потребностям современного правопорядка [17, с. 9-20]. Необходимо перевести усмотрение в плоскость закона – то есть принять нормативные акты, устанавливающие хотя бы ориентиры: минимальные и максимальные пределы наказаний,

отягчающие и смягчающие обстоятельства, типовые санкции за распространенные правонарушения. Именно это и предлагается в работе Мунади Усмана и др., опубликованной в Индонезии: проанализировав эволюцию взглядов факихов, авторы заключают, что тазир – это часть уголовного закона, требующая формулирования (кодификации) перед применением; разработанные наказания тазир должны соответствовать критериям нормативного акта, пригодного к реализации [18, с. 43]. По сути, речь идет о делегированном законодательстве в рамках шариата, когда государство, не отменяя каноны, конкретизирует их через издание законов о наказаниях. Такой путь не только устранил произвольность, но и повысит прогнозируемость правосудия, укрепит доверие общества. При кодификации важно учесть опыт классического фикха – например, выделить категории проступков (против порядка, нравственности, имущественные, иные) и установить для каждой шкалу наказаний в зависимости от тяжести. Кроме того, целесообразно предусмотреть процессуальные гарантии: право обвиняемого на защиту, мотивированное обоснование судьей выбора меры и возможность апелляции несправедливого приговора. Все это постепенно внедряется на практике: мы видим, как Саудовская Аравия разрабатывает кодекс наказаний тазир, а Иран постоянно вносит правки в свой кодекс, уточняя санкции. Таким образом, стандартизация – первый необходимый шаг для обновления института тазир.

2. Корректность и гуманность наказаний с точки зрения прав человека. Классические дискреционные наказания формировались в средневековом социуме, где телесные кары и публичное порицание были привычными средствами поддержания порядка. Сегодня же некоторые меры выглядят чрезмерно жесткими или унижительными. Международное право квалифицирует наказания, сопряженные с членовредительством (ампутация), поркой или публичным унижением, как формы пыток и жестокого, бесчеловечного обращения. И хотя шариатское правосудие телеологически ориентировано на справедливость и защиту общественных интересов, отдельные архаичные интерпретации его норм вступают в коллизию с современными стандартами неотчуждаемых прав человека. Проблема приобретает особую остроту в случаях, когда институт тазир инструментализируется государством в политических целях, как механизм подавления инакомыслия под прикрытием религиозной риторики. Правозащитные организации (в частности, Human Rights Watch) документируют многочисленные случаи, когда журналисты и гражданские активисты подвергаются уголовному преследованию в порядке тазир по размытым обвинениям в «нарушении общественного порядка» или «оскорблении власти», тогда как фактической причиной является их критика государственного режима. Подобные практики дискредитируют саму сущность исламского правосудия.

Выход из сложившегося кризиса видится нам в актуализации подлинного духа шариата, требующего соразмерности (танасуб) и милосердия (рахма). Реформа института тазир должна быть направлена на исключение произвола и гуманизацию санкций. Это означает, что при выборе меры наказания нужно учитывать достоинство личности и избегать неоправданной жестокости. Во многих мусульманских странах уже идет пересмотр наиболее тяжелых наказаний тазир. Так, смертная казнь в порядке дискреции сейчас назначается крайне редко (преимущественно за терроризм или наркотрафик в некоторых государствах, но и там все чаще заменяется пожизненным заключением). Телесные наказания постепенно вытесняются альтернативами: вместо ударов плетью вводятся штрафы, тюремное заключение, либо символические наказания. Например, в Объединенных Арабских Эмиратах недавно отменили телесные наказания за прелюбодеяние (секс по обоюдному согласию не состоящих в браке совершеннолетних), заменив их на лишение свободы либо штрафные санкции. Хотя формально это сфера хадд, фактически подход стал тазирным, смягченным ради соответствия современным нормам. Даже в Ачехе, где сохраняется порка, обсуждается перевод ее из публичной площади в закрытое помещение (чтобы снизить элемент унижения). Таким образом, гуманизация – второй ключевой тренд. Она не означает отказа от шариата, а представляет собой его актуализацию, что согласуется с макасид аш-шариа (генеральными целями шариатских установлений, то есть сохранением религии, жизни, разума, потомства и имущества). Важно и то, что исламское право само по себе содержит механизмы гуманизации: принцип «избегайте применения хадд при наличии сомнения» привел к тому, что многие тяжкие наказания не приводятся в исполнение при малейшей недоказанности, заменяясь тазиром. Данная логика может применяться шире – если есть сомнение в пользе или человечности наказания, лучше выбрать более мягкое. Современные ученые призывают руководствоваться высшей ценностью шариата – истихсаном (благом) и истислахом (общественной пользой). Например, в сфере борьбы с наркотиками вместо казней и порок внедрять реабилитационные программы, как это делается в Малайзии и Иране, опирающихся на макасид аш-шариа. В 2025 г. исследование, проведенное группой индонезийских и малайзийских ученых, показало, что опора на концепцию макасид позволяет реформировать политику наказаний за наркопреступления в сторону более сбалансированной и гуманной политики, уделяя внимание охране жизни и разума путем лечения и профилактики, а не только устрашения. При этом шариатские основы не отвергаются, а переосмысливаются в новом контексте через иджитihad [19]. Этот пример вдохновляет проводить подобные реформы и в других сферах (от семейных правонарушений до киберпреступлений), оставаясь в русле исламской правовой доктрины, но отвечая вызовам времени.

3. Процессуальные и доказательственные вопросы. Классическая исламская доктрина устанавливала экстраординарно высокие стандарты доказывания для преступлений категории хадд (в частности, императивное требование четырех свидетелей для прелюбодеяния), что существенно ограничивало практику применения наиболее суровых санкций. В то же время сфера тазир не имела столь жесткой нормативной регламентации, оставляя оценку достаточности доказательств на судебское усмотрение. Такой правовой дуализм, с одной стороны, создавал механизм субсидиарной ответственности: деяние, не достигшее высокого доказательного порога хадд (например, при наличии лишь двух свидетелей), могло быть квалифицировано в рамках тазир. Данный подход реализовывал функцию защиты публичного порядка (маслаха), не допуская безнаказанности лица при формальном несоответствии строгим процессуальным канонам, но при наличии фактической убежденности суда в виновности. Однако гибкость института тазира несет в себе угрозу правовой неопределенности и повышает вероятность вынесения неправосудных приговоров из-за облегченного бремени доказывания. Современная доктрина склоняется к необходимости гармонизации исламского процесса с общепризнанными принципами справедливого судебного разбирательства, включая строгое требование доказанности вины. Примером такой конвергенции служит судебная система Малайзии, где местные органы шариатской юстиции, рассматривая дела, относящиеся к их исключительной компетенции, всё чаще руководствуются строгими доказательственными стандартами, аналогичными тем, что применяются в судах общей юрисдикции, фактически исключая возможность наказания при наличии неустранимых сомнений.

Тем не менее, проблема отсутствия унифицированных стандартов сохраняет свою актуальность. Оптимальным решением представляется детальная процессуальная регламентация на законодательном уровне. Необходимо нормативное закрепление исчерпывающего перечня допустимых доказательств по делам категории тазир (включая свидетельские показания, письменные документы, косвенные улики и признание) с одновременным установлением высокого стандарта доказанности вины. Исламская правовая традиция не препятствует подобной формализации, поскольку тазир относится к области иджитхада и сияса шарийя (государственно-правовой политики), и легитимная власть вправе вводить процессуальные гарантии для минимизации судебного произвола.

4. Социальное восприятие и легитимность наказаний тазир. В условиях глобализации и правового плюрализма критически важным фактором эффективности пенитенциарной политики становится её общественное восприятие. В ряде юрисдикций, особенно характеризующихся конфессиональной гетерогенностью населения, применение шариатских

санкций нередко сталкивается с социальным отторжением, обусловленным ассоциацией тазира с архаичными практиками телесных наказаний и неконтролируемым судебским произволом. Подобная делегитимация подрывает доверие к правовой системе в целом. В этой связи актуализируется необходимость повышения прозрачности правосудия и проведения комплексной разъяснительной работы. Во-первых, требуется доктринальное и публичное разъяснение правовой природы тазира не как абсолютной дискреции судьи, но как инструмента восстановления социальной справедливости, строго ограниченного целями исправления и превенции. Во-вторых, императивом становится транспарентность судебной деятельности: публикация прецедентных решений, аналитических отчетов и статистических данных по практике применения тазира призвана продемонстрировать соразмерность назначаемых санкций и их обоснованность. В-третьих, стратегическое значение имеет вовлечение религиозных авторитетов в процесс правовой ресоциализации. Привлечение улемов к популяризации концепций милосердия (рахма) и гибкости наказания способствует смене общественной парадигмы с сугубо карательной на воспитательную. В этой связи показателен опыт Судана 2000-х годов, где участие имамов в кампании против избыточного применения телесных наказаний за нарушения норм общественной нравственности (на основе апелляции к хадисам о достаточности увещевания) существенно снизило социальную напряженность. Таким образом, конечной целью реформ должно стать формирование устойчивого общественного консенсуса относительно справедливости и законности института тазир. В противном случае его применение, воспринимаемое как репрессивное, будет провоцировать лишь социальный протест и резистентность, нивелируя ожидаемый общепревентивный эффект наказания.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного исследования, следует констатировать, что институт тазир остается фундаментальным элементом исламской уголовно-правовой доктрины, обеспечивающим ее адаптивность и жизнеспособность в условиях меняющихся исторических реалий. Телеологически дискреционные наказания формировались как гибкий инструмент социальной регуляции, призванный защитить публичный порядок от правонарушений, не подпадающих под экстраординарные санкции категории хадд. Их правовая природа диалектична, синтезируя воздаяние и милосердие, общую превенцию и исправительное воздействие. В современном правовом дискурсе эта дуалистическая природа тазира приобретает особую актуальность, позволяя гармонизировать императивы шариата с динамикой общественных отношений. Однако сохранение широкой дискреции без

надлежащих процессуальных гарантий создает риски трансформации судейского усмотрения в произвол, что противоречит аксиологическим основам ислама. Как следует из пророческой традиции, справедливость является безусловным приоритетом правосудия, а судебная ошибка в прощении предпочтительнее ошибки в наказании.

В этой связи реформы, направленные на кодификацию, процессуальную регламентацию и гуманизацию санкций тазир, следует рассматривать не как отступление от религиозных канонов, а как необходимую актуализацию духа закона. Сравнительный анализ практики различных юрисдикций демонстрирует возможность успешной интеграции исламских норм в современные правовые системы. В этой модели наказания хадд сохраняют роль морально-нравственного ориентира и границы дозволенного, тогда как основная регулятивная нагрузка ложится на институт тазир, наполняемый конкретным содержанием через законодательную деятельность и судебную практику.

Применение интегративного подхода, опирающегося на цели шариата (макасид аш-шариа), международные стандарты прав человека и принципы транспарентности, способно превратить дискреционные наказания в эффективный механизм обеспечения справедливости. Такой подход позволяет реализовать потенциал ресоциализации правонарушителей и защиты социума, демонстрируя гуманистическую сущность исламского права. И напротив, стагнация и игнорирование назревших реформ чреваты делегитимацией правовой системы. Изложенные в настоящей работе подходы призваны направить эволюцию института тазир в конструктивное русло, обеспечивая сохранение его нормативной значимости и нравственного авторитета в современном мире.

Список литературы

1. Kasani Abu Bakr b. Mas'ud. Bada'i al-Sina'i. Beirut: Dar al-Kutub al-Arab, 1982. Vol. 7. 334 p.
2. Muhammad al-Khurashi. Sharh al-Khurashi ala Mukhtasar Saydi al-Khalil. Beirut: Dar al-Sadr, 1900. Vol. 8. 250 p.
3. Al-Nawawi, Yahya b. Sharaf. Minhaj, in the margins of Mughni al-Muhtaj. Egypt: Matbaa Mutaafa al-Halabi, 1958. Vol. 4. 568 p.
4. Ibn Qudama, 'Abdullah b. Ahmad. al-Mughni / ed. Abdul Fattah Muhammad al-Halwa; Abdullah b. Abdul Muhsi al-Turki. Cairo: Matba'a al-Hijri, 1990. Vol. 12. 576 p.
5. Al-Ghazali, M. Al-Mustasfa min 'Ilm al-Usul / ed. M. Sulaiman al-Asyqar. Beirut: Al-Risalah, 1997. Vol. 1. 440 p.

6. Nael Abdul Qader. The Criteria for Determination of Tazeeri Punishments in Islamic Jurisprudence // Addaiyan Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 7, № 5. P. 23-41. DOI: 10.36099/ajahss.7.5.3.
7. Al-Marghinani, Burhan al-Din. Al-Hidaya. Egypt: Matba'a Mustafa al-Halabi, 1971. Vol. 2. 135 p.
8. Haque Md. Ahteshamul. Philosophical Aspects of Punishment in Islamic Criminal Law // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2024. Vol. 12, № 1. P. 220-231. DOI: 10.5281/zenodo.10797000.
9. Alotaibi, H.A. Inconsistency in Ta'zir Punishments in Islamic Juveniles' System // Asian Social Science. 2018. Vol. 14, № 4. P. 70-89. DOI: 10.5539/ass.v14n4p70.
10. Iran Human Rights Documentation Center. Islamic Penal Code of the Islamic Republic of Iran – Book Five. English translation. New Haven (CT): IHRDC, 2013. URL: <https://iranhrdc.org/islamic-penal-code-of-the-islamic-republic-of-iran-book-five/> (дата обращения: 09.11.2025).
11. Islamic Republic of Iran. Islamic Penal Code (Act № 1362, as amended by Acts № 683 and 768). Official Gazette of the Islamic Republic of Iran, 1991. URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1991/fa/115464> (дата обращения: 09.11.2025).
12. Iran Human Rights (IHRNGO). Iran Execution Trends Six Months After the New Anti-Narcotics Law. 20 June 2018. URL: <https://iranhr.net/en/articles/3325/> (дата обращения: 09.11.2025).
13. Rahmatullah A., Baharun S. Ta'zir (Punishment) at Islamic Boarding School: Between Tradition, Conception, and Shadows of Human Rights Violations // Tribakti: Jurnal Pemikiran Keislaman. 2023. Vol. 34, № 2. P. 267-280. DOI: 10.33367/tribakti.v34i2.3517.
14. Yuniarti D. R., Sahid M., Faisal B. I. Recontextualization of Ta'zir in the World of Education: Bridging Islamic Values, Children's Rights, and Pedagogical Practices // Jurnal Ilmu Sosial dan Pendidikan (JISIP). 2025. Vol. 9, № 3. P. 1070-1082. DOI: 10.36312/jisip.v9i3.8712.
15. Amal M. R. H., Muhammadi F. Reposition of Ta'zir and Ta'wid on Moral Hazard Behavior in Islamic Banking in Indonesia // Jurnal Hukum Novelty. 2022. Vol. 13, № 1. P. 38-48.
16. Maryyam N. The Rights of the Accused in Zina Cases in Islamic and Pakistani Law: with Special Reference to Apex Courts Judgments: A Comparative Study: thesis for the degree of LLM in Shariah and Law / International Islamic University Islamabad, Faculty of Shari'ah and Law. Islamabad, 2025. 103 p.
17. Kamali, M.H. Principles and Philosophy of Punishment in Islamic Law, With Special Reference to Malaysia // Islam and Civilisational Renewal. 2019. Vol. 10, № 1. P. 9-20.

18. Munadi Usman, Abdullah, Kafrawi. Fuqaha' perspective on government authority in formulating ta'zir penalty // *Siyasah Wa Qanuniah: Jurnal Ilmiah Ma'had Aly Raudhatul Ma'arif*. 2025. Vol. 3, № 1. P. 42-57. DOI: 10.61842/swq/v3i1.42.
19. Laksana A.V., Lubis M. R., Suwondo D., Ngazis M., & Puspasari R.M. Integrating Maqasid al-Shari'ah in Contemporary Islamic Legal Reform on Drug Policy // *MILRev: Metro Islamic Law Review*. 2025. Vol. 4, № 1. P. 416-439. DOI: 10.32332/milrev.v4i1.10665.

JUDICIAL DISCRETION IN ISLAMIC CRIMINAL LAW: THE PRACTICE OF APPLYING TAZIR PUNISHMENTS IN MUSLIM COUNTRIES

Khapchaev Sultan Talasovich

Candidate of Legal Sciences

Head of the Department of Constitutional and Civil Law

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Stavropol, Russian Federation

Kokorev Vladimir Gennadievich

Lecturer at the Department of Legal Disciplines of Secondary Vocational Education,
Institute of Law and National Security

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Tambov, Russian Federation

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the «Tazir» category, representing a system of discretionary punishments in Islamic law for offenses lacking fixed Sharia sanctions. The study investigates the doctrinal foundations of this institution as well as the specifics of its implementation within the modern legal systems of Saudi Arabia, Iran, and Indonesia. The author examines the evolution of Tazir characterized by a transition from broad judicial discretion toward trends of codification and standardization. Significant attention is paid to the compatibility of traditional punitive measures with international human rights standards. Based on the comparative legal method, the research substantiates the necessity of reforming criminal policy, which implies the humanization of sanctions, the introduction of alternative punishments, and strict procedural regulation. It is concluded that the institution of Tazir requires adaptation to modern realities based on the objectives of Sharia (Maqasid al-Sharia) to harmonize the flexibility of justice with the protection of individual rights.

Key words: Islamic law, Tazir, Islamic criminal law, judicial discretion, Maqasid al-Sharia, human rights, codification.